

◆ РУССКАЯ КРАСАВИЦА ◆

**Читайте исторические
любвные романы Елены Арсеньевой
в серии «Русская красавица»:**

Нечаянная свадьба
Тайная жена
Страстная-опасная
Любовный водевиль
Сестры-соперницы
Северная роза
Гадание на любовь
Виновница страстей
Свет мой ясный
Крепостная графиня
Роковая вдова
Пленник богини любви
Дуэль на брачном ложе
Две невесты
Любовь как смерть
Лукавый взор
Заморская отравка
На краю любви
Поцелуй фортуны
Ваш милый думает о вас
Русская лилия

ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

ЛУКАВЫЙ
ВЗОР

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 **Лукавый взор : роман / Елена Арсеньева. —**
Москва : Эксмо, 2024. — 512 с.

ISBN 978-5-04-201923-4

Фрази впервые увидела его в тот день, когда в победенный Париж входили русские войска. Кто-то толкнул ее под копыта марширующей конницы — но за секунду до неминуемой смерти Фрази подхватили сильные руки.

Она взглянула в глаза своему спасителю и поняла, что никогда его не забудет. Никогда в жизни! А жизнь оказалась не очень добра к ней. Лишила родителей, заставила изменить своей первой любви и выйти за другого, но вскоре оставила вдовой...

И вот Фрази снова в Париже. Незабываемый русский тоже здесь — все так же обворожителен, смел и... увлечен женщинами, имя которым — легион! Бороться за его расположение или гордо отвернуться? А самое главное, он ли это?!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-201923-4

Я, не видав тебя, уже была твоя.
Я родилась тебе обещанной заранее...

Марселин Деборд-Вальмор

ПЕРВОЕ ПИСЬМО ДМИТРИЯ ВИДОВА

Писано в Париже, в Отеле Бирон¹,

20 сентября 1804 года

*В*ысокочитимая мадемузель Вестинже! Горько сожалею, что принужден уехать, не простившись с Вами и не высказав всего того, чем наполнено мое сердце с того мгновения, как увидел Вас впервые. Не передать, как я страдал сегодня, пока мы спешно наковали, запечатывали и грузили сундуки с бумагами, которые его превосходительство Убри намеревался отправить в Санкт-Петербург! Уже давно понятно было, что придется покидать Париж, но отчего-то тянули со сборами до последнего дня, а теперь воцарилась суэта неописуемая. Все мы: и советники, и секретари, и Ваш батюшка, ну и Ваш покорный слуга — трудились не покладая рук и не считаясь с чинами.

До последней минуты надеялся я, что Вы, по обыкновению, придете навестить отца. Но время шло, Вас не было, тревога все более властно овладевала моим сердцем, и наконец я решил спросить о Вас мсье Вестинже,

¹ В 1804 г. посольство Российской империи во Франции располагалось в Париже, на улице Варенн, во дворце, некогда принадлежащем французскому маршалу Бирону. Обычно это здание называлось «Отель Бирон». Здесь и далее примечания автора.

который был занят не меньше всех нас. Ваш батюшка буркнул, что Вы нездоровы, и отошел от меня.

Сердце мое сжалось от этой вестии. Я чувствовал себя так, словно небеса разверзлись, солнце померкло и нет никакого просвета впереди. Клянусь, я стоял ни жив ни мертв, как вдруг почувствовал чью-то руку на своем плече. Я оглянулся и вновь увидел Вашего отца. Он сказал угрюмо: «Чего уж теперь горевать! Сами виноваты. Свет не видел такого робкого молчуна. Не стоите вы слез моей дочери! Я ей говорил, что нужно ставить на француза Бовуара, а не на русского Видоффа. У Бовуара зрение лучше!¹ И я был прав!»

Наверное, вид у меня сделался довольно глупый, потому что мсье Вестинже только рукой махнул. Может быть, он еще что-нибудь добавил бы, но тут его отозвал фон дер Пален, который надзирал за погрузкой нашего багажа. Я же попытался проникнуть в смысл слов Вашего батюшки — и внезапно надежда постучалась в мое сердце! Мгновенно перелистав в памяти все наши встречи, вспомнив выражение Ваших прекрасных глаз, вспомнив странное волнение, которое иногда звучало в Вашем голосе, дрожь Ваших рук, комкавших концы фишю², когда мы о чем-то говорили, я вдруг с ужасом и восторгом осознал, что по глупости и робости упустил драгоценные минуты, которые могли бы нас обоих сделать счастливыми.

Неужели Вы, мадемуазель Вестинже... нет, к дьяволу церемонии! Неужели Вы, свет мой Жюстина, нена-

¹ Игра слов: фамилия Бовуар (beauvoir) омонимична словосочетанию — beau voir, где beau — красивый, прекрасный, а voir — видеть (франц.).

² Фишю (от франц. fichu) — косынка из легкой ткани или кружев, прикрывавшая шею и декольте.

глядная Устинька... неужели Вы благосклонны ко мне? Неужели Вы захворали нынче от огорчения, что наша разлука неизбежна, а я все еще не сказал Вам тех слов, которых Вы, быть может, от меня ждали?.. Неужели я обидел Вас своей робостью? Обманул Ваши надежды?..

Боже мой, вдруг подумалось мне, а что, ежели Вы приняли мою робость за пренебрежение? Сочли, что я смотрю на Вас свысока, учитывая скромное положение Вашей семьи?!

Поверьте, Устинька: будь я не просто дворянского, а даже царского рода, окажись не каким-то там коллежским асессором, а министром двора или вовсе императором, я был бы счастлив мечтать о Вашей любви и готов был бы на коленях просить Вашей руки, окажись Вы даже не дочерью посольского консьержа, а дочерью самого последнего парижского бедняка!

Кажется, все на свете отдал бы, только бы иметь час времени: схватить экипаж, доехать до Вашего дома, пасть к Вашим ногам, объяснитьсь в любви и молить Вас разделить мою жизнь!..

Ох нет, что я несу, несчастный! Дипломатические отношения между нашими странами разорваны. Еще 28 августа посланник Петр Яковлевич Убри вручил министру иностранных дел Талейрану ноту об их разрыве. Как я могу просить Вас стать женой того, в ком Франция скоро будет видеть представителя враждебной державы и кого теперь охраняет только иллюзия дипломатической неприкосновенности?..

Молю Бога, чтобы состояние неприязни между нашими державами сменилось миром и дружеством. Молю Бога, чтобы мне удалось вернуться в Париж. Молю Бога, чтобы Вы не забывали обо мне. К черту этого Вашего верного поклонника Филиппа Бовуара,

на которого посоветует Вам ставить Ваш отец! Однако мсье Вестинже все же пообещал доставить Вам мое письмо... Во всяком случае, Вы всё узнаете о моих чувствах и страданиях.

Ах, вот горе, пора уж отправляться! Нет в свете более несчастного человека, чем я, и сердце мое рвется от любви.

Прощайте! Дай Бог Вам счастья, ненаглядная, любимая, обожаемая Устинька! Вспоминайте, умоляю, вспоминайте обо мне!

Вечно Ваш — Дмитрий Видов, секретарь при посольстве Российской империи в Париже.

НОВЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ ГАЗЕТЫ «БУЛЬВАРДЬЕ»

Париж, 1832 год

Фарфоровые, роскошные, хотя и несколько побитые временем часы Вашерон-Константен, стоявшие на каминной полке, громко захрипели, готовясь пробить полдень. Полдень пятницы! Неподалеку, на колокольне новой, еще не вполне достроенной, но уже действующей церкви Девы Марии Лоретанской, Нотр-Дам-де-Лорет, зазвонили к обедне. Однако все сотрудники газеты «Бульвардье» немедленно достали еще и карманные «брегеты», чтобы сверить их.

То же сделал и Жан-Пьер Араго, главный «бульвардье» — редактор газеты. Многие собраты по ремеслу завидовали ему: Араго умудрился выбрать весьма удачное название для газеты. Ведь бульвардье — это завсегдатаи кофеен на Гран Бульвар, парижских Больших бульварах: светские люди, политики невысокого по-

шиба и просто сплетники. Теперь они считали своим долгом читать эту прославившую их газету, что, конечно, не могло не сказываться на популярности и продажах тиражей.

Удостоверившись, что полдень пятницы не опаздывает, присутствующие: сам Араго, его заместитель и заодно корректор Вальмонтан, бухгалтер Конкомбр и репортер Ролло — выжидательно уставились на дверь. Строго говоря, Ролло сейчас следовало не протирать штаны в редакции, а заниматься тем, чем должен заниматься репортер, то есть шнырять по улицам в поисках маломальской сенсации или просто какого-нибудь случая, из коего можно раздуть если не сенсацию, то хотя бы сделать интересную заметку, которая повысила бы тираж «Бульвардье». Однако Ролло пожертвовал бы любой сенсацией, лишь бы не пропустить полудня пятницы, как, впрочем, и его коллеги.

Этот день приобрел столь важное значение для всех «бульвардье» около полугода назад, в декабре 1831 года. Тогда в редакции, которая занимала просторную комнату на третьем¹ этаже доходного дома по улице Мартир, то есть Мучеников, поднимающейся к своему тезке Монмартру, Холму Мучеников, появилась какая-то старуха в потертом капоре и бархатном манто (судя по виду, их носили без скиду с тех времен, когда Наполеон Бонапарт основал свою империю) и принесла первую заметку, подписанную псевдонимом Лукавый Взор. Но этот псевдоним отнюдь не

¹ Счет этажей во Франции отличается от нашего: первым у них считается тот, который мы назвали бы вторым. Таким образом, фактически редакция находилась на четвертом этаже.

принадлежал старухе: она была всего лишь курьером. Ей заплатила за доставку заметки «какая-то щедрая и очень нарядная дамочка».

Маленькая статейка оказалась написана прелестным, бойким, порой фривольным языком, вообще не нуждалась в правке и решительно отличалась от любых бытовых заметок, которые печатались даже в самых популярных парижских газетах, ибо те заметки были, как правило, грубы и скандальны.

Интригующее название, как говорится, било по глазам: *«Святой Августин чистит перышки, или Что под туникой у весталки»*. Речь шла всего-навсего о вывесках парижских магазинов — то есть о том, что ежедневно на глазах у всех и каждого. Однако Лукавый Взор взглянул на них с неожиданной стороны:

«Гуляю по бульварам и от нечего делать рассматриваю вывески. Сплошь и рядом на них названия известных водевилей: «Железная маска», «Красная Шапочка», «Весталка», «Вошебная лампа» и проч. Прикидываю: в «Железной маске», очевидно, продают карнавальные маски и костюмы для ряженых. Заглядываю в лавку и вижу... рулоны шелка, сукна, кашемира, кисеи, дорогих лионских шелков, называемых бурдесуа, и шелков дешевых, которые попросту именуют пудесуа.

Вот те на! Здесь, оказывается, торгуют тканями!

Иду дальше. Предположительно, в «Красной Шапочке» должен обосноваться шляпник. Ничуть не бывало! Здесь изобилие ботинок, башмаков, бальных туфелек, сапожков для верховой езды — и прочих облачений для прелестных дамских ножек.

Продолжаю свой променад довольно долго и вот что выясняю: над лавкой мясника красуется букет увядших гвоздик и вывеска «На добрую память»; «Три девствен-

ницы» символизируют мастерскую по пошиву военных мундиров; у «Святого Августина» обновляют старые перья для шляп; «Ангел-хранитель» отправляет посылки за границу; «Монах» полами своей рясы прикрывает вход в сладостно благоухающую лавку по продаже «летучего масла»¹, помад, румян и прочей парфюмерии... Но поистине сногшибательное открытие ожидает меня в «Весталке». Здесь я обнаруживаю самые таинственные предметы дамского туалета: те, которые открыты только скромному взору мужа или нескромному — любовника. Несчитаное множество кружевных, шелковых, батистовых штучек! Корсеты, сорочки, лифы, даже — ах, простите, — drawers!² Вынужденно прибегаю к английскому слову, дабы не оскорблять взор моих читательниц, так как известно (а если кому-то неизвестно, самое время узнать!), что, несмотря на приказ парижского префекта от 1730 года, их ни за что не наденут те, кого англичане называют *filthes*³... не осмеливаюсь привести французский синоним... ну а фланируя по парижским улицам, они обычно отзываются на странные прозвища: Крыска, Толстая Ляжка, Мохнатка, Глубокая Корзинка. Однако в последнее время многие затосковали по изысканности и сделались тезками героинь любовных романов или модных опер. Теперь они Аманды, Пальмиры, Лодоиски, Сидонии, Аспазии, Армиды... Но эти имена — не более чем вывеска, яркая вывеска! Право слово, даже не знаю, кто будет разочарован сильнее: тот, кто узнает, что Святой Августин умеет чистить и красить перья, а весталка носит drawers, — или тот, кто в Аспазии обнаружит Тол-

¹ От франц. *huile volatile* — одно из наименований духов.

² Drawers — панталоны (англ.).

³ *Filthes* — женщина легкого поведения (англ., устар.).

стую Ляжку, в Лоддиске — Мохнатку, а в Пальмире — Глубокую Корзинку, как это постоянно происходит с мсье П., владельцем «Весталки». Самыми прибыльными его клиентками являются именно эти красотки, которые обнажают перед мсье П. свои «мохнатки» и открывают свои «корзинки», чтобы он, в свою очередь, открыл им кредит на покупку «летучих масел» и прочего».

Нахохотавшись, Араго и его сподвижники решили предоставить возможность повеселиться всем своим читателям. И не прогадали. Тираж очередного выпуска «Бульвардье» расхватили мгновенно! Редакция втихомолку молилась, чтобы загадочный Лукавый Взор снова дал знать о себе.

И молитвы эти были услышаны.

Спустя неделю, опять же в пятницу, чертыхаясь и отдуваясь, на третий этаж взобрался почтенный ветеран, еще помнивший победное солнце Аустерлица. Ему передала свернутый вчетверо листок скромная бенедиктинка¹. Успех этого материала Лукавого Взора, посвященного предприимчивым парижанкам, которые успешно заменяют мужчин в любом роде деятельности, от торговли с лотка до развоза воды, от управления наемными экипажами до обладания игровыми домами, был столь же фееричным.

В следующую пятницу никто не появился; «бульвардье» приуныли. Однако еще через неделю тощий капуцин² принес корреспонденцию якобы от уличной тор-

¹ Бенедиктинка — монахиня католического ордена святого Бенедикта.

² Капуцин — монах так называемого ордена меньших братьев капуцинов.

говки. Теперь Лукавый Взор исследовал разницу между богатыми денди-буржуа и светскими львами, которые соревнуются, кто больше денег тратит для поддержания своего реноме. После этого парижский вокабулярий обогатился выражением «рыцарь камелии»: Лукавый Взор не забыл упомянуть, что самые отъявленные денди щеголяли камелиями в петлицах — самым дорогим цветком, да еще меняли его раз по шесть в день!

Потом появился полунищий студент, которому передала затейливо свернутый и обвязанный розовой ленточкой листок почтенная старушка... Ну и так далее, и так далее! Курьеры появлялись то еженедельно, то через две недели, они менялись, менялись описываемые ими отправители, однако прежним оставался псевдоним: Лукавый Взор. Прежним оставался и острый, ироничный, задиристый стиль заметок. Почерк автора был четким, хорошо разборчивым, но совершенно безликим. Такой бывает у опытных писарей. Иногда Араго не сомневался, что Лукавый Взор — это женщина, иногда казалось — нет, мужчина. Автор очень удачно избегал любых глаголов, которые могли бы выдать его пол. Но все же чем дальше, тем больше Араго верил, что Лукавый Взор — именно женщина!

Впрочем, кем бы Лукавый Взор ни был, его корреспонденции весьма прибавили «Бульвардье» популярности. Теперь в среду — день выхода свежего номера — уличные продавцы газет едва успевали выйти с очередным выпуском «Бульвардье», как распродавали товар и возвращались в типографию за новыми пачками.

Лукавый Взор заставлял парижан взглянуть на их привычное житье другими глазами. Ну и посмеяться обитатели французской столицы всегда были горазды.

Вообще их неистребимой особенностью издавна было острое любопытство ко всяким, даже самым ничтожным происшествиям, от дерущихся собак до публичных казней на Гревской площади, переименованной в 1803 году в площадь Отель де Виль, Городской Рагуши. Причем парижане обожали не только смотреть на действие, но и судачить о нем. «Бульвардье» с помощью Лукавого Взора утолял эту потребность читателей посудачить. Раньше Араго использовал в основном материалы из иностранной и французской прессы, с которой знакомился чрезвычайно внимательно; более, а чаще — менее осторожные политические рассуждения, принадлежащие его собственному перу, разбавляли этот публичный меланж; однако поистине *лукавые* заметки Лукавого Взора придали газете особый шаловливый шарм. Иной раз Араго приходилось слышать хохот в какой-нибудь кофейне на Итальянском бульваре, и если он видел при этом газету в руках смеющихся, то не сомневался, даже не видя заголовка: это его газета!

Гонорар, переводимый Лукавому Взору, раз от разу увеличивался. Бухгалтер Конкомбр регулярно относил деньги в банк и отправлял на счет, имя владельца которого охраняла строгая банковская тайна. Понятно, что Лукавый Взор старательно заметал следы, и можно было голову сломать, пытаясь проникнуть в его инкогнито. То, что послания передавались столь сложным путем, как минимум через двух посредников, подтверждало: Лукавый Взор это свое инкогнито бережет и открывать его никому не намерен.

Но почему, почему Лукавый Взор так упорно бежит славы, почему не хочет встать в один ряд с самыми знаменитыми фельетонистами своего времени? На этот вопрос ответа не было. Араго иногда начинал

тревожиться, не перемянут ли популярнейшие «Повседневность», «Сплетница», «Парижская газета», «Карикатура», «Всякая всячина»¹ этого таинственного автора, однако утешался тем, что невозможно перемянуть того, кого невозможно найти.

Сначала Араго был уверен, что Лукавый Взор принадлежит к числу людей насмешливых и беззаботных, ибо именно такова была тональность его заметок, однако с течением времени она изменилась: безобидная ирония сделалась жесткой, порой беспощадной, особенно когда речь шла о порядках, вернее, об отсутствии таковых в тюрьмах, о жуткой грязище на рынках и улицах, наконец, об эпидемии холеры, которая накрыла Париж и — особенно! — о тех, кто принес во Францию не только эту болезнь, но и, хуже того, начал влиять на буйные настроения в обществе: о «великих польских эмигрантах»², которые считали, что весь мир обязан ополчиться на ненавистных им русских!

А поскольку Араго — по ряду только ему известных, но очень, очень весомых причин! — тоже осуждал этих воинственных и мстительных за чужой счет господ, популярность «Бульвардье» начала влиять на

¹ Имеются в виду популярные в описываемое время парижские газеты «Quotidien» — «Повседневность», «La Gazette» — «Сплетница», «Journal de Paris» — «Парижская газета», «La Caricature» — «Карикатура», «Le Charivari» — «Шумиха» (*франц.*).

² «Великой эмиграцией» называлась эмиграция в страны Европы и прежде всего во Францию поляков, потерпевших поражение в ходе Варшавского восстания. С 1795 года Польша входила в состав Российской империи. В ноябре 1830 года в Варшаве вспыхнуло антирусское восстание, которое было подавлено в 1831 году.

умозрения парижан. Увеличился поток читательских писем, больше стало посетителей, которые хотели бы поспорить с редактором. Консьержке мадам Нюнюш пришлось почаще окуривать свою конурку, общую лестницу и комнату редакции дымом можжевельника, который считался лучшим охранительным средством от холеры. Стол редактора и конторки сотрудников были завалены письмами, адресованными Лукавому Взору, а поскольку передать их по назначению не представлялось возможным, Араго решил публиковать самые интересные из них в газете. Благодаря этому «Бульвардье» начал выходить дважды в неделю...

Однако, как бы ни складывались обстоятельства, каждую пятницу, лишь только фарфоровый Вашерон-Константен начинал громко хрипеть, готовясь пробить полдень, а неподалеку, на колокольне недостроенной церкви Нотр-Дам-де-Лорет, начинали звонить к обеду, все сотрудники газеты «Бульвардье» немедленно доставали еще и карманные «брегеты», чтобы сверить их, а потом нетерпеливо смотрели на дверь, готовясь увидеть нового посланника загадочного Лукавого Взора. И если никто не являлся, раздавался общий разочарованный вздох...

Однако на сей раз, точно с последним ударом часов, дверь в редакцию все-таки отворилась. На пороге появилась женщина, облаченная в глубокий траур. Лицо ее было прикрыто вуалью, руки прятались в бархатной муфте. Именно на эту муфту мгновенно обратилось внимание всех «бульвардье», решивших, что там лежит очередная корреспонденция от Лукавого Взора, а дама в трауре — очередной курьер.

Посетительница слегка присела в снисходительном подобии реверанса и сказала:

— Добрый день, господа. С кем я могу поговорить по важному и неотложному делу?

Едва уловимый мягкий и в то же время шипящий акцент звучал в ее речи.

— Я Жан-Пьер Араго, редактор, — представился главный «бульвардье», выходя из-за конторки. — Не соблаговолите ли присесть, мадам, и сообщить, чем мы сможем вам служить?

Заместитель редактора Вальмонтан, повинувшись жесту начальника, подскочил к даме и, подав ей руку, попытался проводить к довольно потертому креслу, которое носило название гостевого.

Дама, впрочем, осталась стоять и, поблагодарив Вальмонтана легким кивком, молвила, обращаясь к Араго:

— Убедительно прошу вас помочь мне встретиться с корреспондентом вашей газеты, который пишет под псевдонимом Лукавый Взор.

Вот те на! Так она не от Лукавого Взора?! Она сама его ищет? А все «бульвардье» аж дрожат от нетерпения получить новый материал!

Репортер Ролло, манеры которого, по общему мнению, хромали от того, что он больше других общался с людьми самого разного пошиба, причем далеко не всегда высокого, не сдержал насмешливого хрюканья, которое, впрочем, немедленно было замаскировано приступом кашля. Бухгалтер Конкомбр чуть ли не носом уткнулся в бумаги, лежавшие на его конторке, чтобы не уподобиться неделикатному Ролло и не оскорбить незнакомку смешком. Впрочем, лицо ее по-прежнему оставалось закрыто вуалью, поэтому

если дама и почувствовала себя оскорбленной, то ничем этого не показала.

— Очень сожалею, мадам, однако помочь вам не смогу, — покачал головой Араго. — Дело в том, что мы никогда не видели человека, который носит этот псевдоним, и не разговаривали с ним. Мы только получаем от него через курьеров материалы, которые читаем и отправляем в печать.

Дама молча смотрела на него сквозь вуаль.

— Но вы ведь платите ему гонорар, не так ли? — сказала она наконец. — И, когда он приходит за деньгами, вы должны его видеть!

— Господин Конкомбр, наш бухгалтер, еженедельно кладет деньги на банковский счет, принадлежащий нашему автору, — сообщил Араго, и Конкомбр подтвердил, ретиво кивая:

— Истинная правда. Мне известен только номер этого счета. Ничего более.

— Я очень сожалею, — повторил Араго. — Однако удовлетворить ваше любопытство мы не можем.

— Это не пустое любопытство, — ответила дама и медленным, осторожным движением подняла вуаль, которая свешивалась с полей ее маленькой шляпки с широкой тульей.

Такие шляпки были последним криком моды — Араго знал об этом благодаря разным милым дамам, которые пользовались его расположением и щедростью. Он еще успел подумать о том, что щегольской фасон шляпки не слишком вяжется с траурной вуалью, однако в следующий миг увидел лицо гостьи — и на миг лишился дара речи.

Большие черные глаза, окаймленные длинными загнутыми ресницами, напоминали два удивительных